

Тун Ичжэнь протянул руку за стаканом, но Цзянь Хань убрал его в сторону. Он прищурился и сказал:

— Давай, выпей побыстрее. Как только ты закончишь, я пойду спать. Ведь я смогу уснуть спокойно, только убедившись, что ты не умер с голоду.

— Я не умру, молодой господин Цзянь, не беспокойся. Дай мне молоко, я выпью.

Сжав зубы, Тун Ичжэнь снова потянулся за стаканом в руках Цзянь Ханя. Но стакана не достал, а Цзянь Хань схватил его за руку и притянул к себе, затянув в свои объятия.

Не дав Тун Ичжэню опомниться, он поднёс край стакана к его губам. Уклониться было уже поздно, и Тун Ичжэню ничего не оставалось, как в этой неловкой позе, в объятиях Цзянь Ханя, пить подносимое ему молоко.

Залив в себя несколько больших глотков, Тун Ичжэнь больше не мог. Он замотал головой и отмахнулся руками, отказываясь продолжать. Только тогда Цзянь Хань отпустил его и поставил почти пустой стакан обратно на стол.

Тун Ичжэнь оттолкнул Цзянь Ханя и вытер губы рукавом, злобно уставившись на него.

— На что уставился? Злишься, что я не дал тебе умереть с голоду, чтобы потом обвинить семью Цзянь?

— Детский сад!

Тун Ичжэнь, немного восстановив силы, отвернулся, не желая больше смотреть на Цзянь Ханя.

— Моя невестка одного со мной возраста, но, видимо, став вдовой в столь юные годы, считает меня ребёнком.

— Среди ночи тебе не подобает быть в комнате вдовы. Пожалуйста, уйди, молодой господин Цзянь.

С этими словами Тун Ичжэнь лёг обратно в кровать и натянул одеяло на голову, укрывшись с головой.

В комнате воцарилась тишина. Пролежав под одеялом какое-то время и не услышав ни звука, Тун Ичжэнь медленно приоткрыл край одеяла. Цзянь Хань исчез.

С облегчением вздохнув, Тун Ичжэнь слегка нахмурился. В этот момент снова раздался звук у двери. Он напряжённо посмотрел туда и увидел матушку Лю, входившую с миской каши.

— Молодой господин, поешьте немного каши. Молодой господин Цзянь велел приготовить для вас что-то легкоусвояемое.

Матушка Лю села на стул и стала помешивать кашу ложкой, стараясь остудить её.

— Цзянь Хань сказал...

Тун Ичжэнь произнёс это с лёгким замешательством. Неужели тот сразу понял, что он упал в обморок от голода?

Тун Ичжэнь сел на кровати и принял миску из рук матушки Лю. Сначала аппетита не было, но

теперь, почуяв аппетитный запах, ему захотелось есть.

Он зачерпнул ложкой кашу и уже собирался отправить её в рот, как дверь резко распахнулась. Рука Тун Ичжэня дрогнула, и каша вылилась обратно в миску.

Су Лань в пижаме ворвалась в комнату с лицом, полным ярости:

— Тун Ичжэнь! Какой стыд! В такое время ты ещё ешь? Ты сегодня осмелился прогулять занятия! Какая же у тебя ненависть к нашей семье Цзянь? Тебе, что, не по себе, пока ты нас не опозоришь?

С этими словами она бросилась к кровати и резко откинула одеяло.

Обычно Су Лань была весьма достойной женщиной: хоть и немного избалованной, но вела себя благородно и элегантно. Однако каждый раз, видя Тун Ичжэня — которого она в своём сердце считала виновником смерти своего старшего сына, — она полностью теряла контроль над собой.

Миска в руках Тун Ичжэня едва не выскользнула; немного каши пролилось ему на руку. Он поспешно слез с кровати, даже не почувствовав ожога.

Сегодня Тун Ичжэнь действительно был виноват: он действительно прогулял занятия и был морально готов, что Су Лань это обнаружит.

— Мама, прости меня.

— Не смей называть меня мамой! Сколько раз я говорила!

Су Лань почти рычала, её дыхание было прерывистым.

— Каждый раз, когда я вижу тебя, меня охватывает ярость. Ты слишком ужасен! Сейчас же иди в буддийскую молельню и становись на колени. Люди вроде тебя не научатся вести себя прилично, пока не будут наказаны.

Сказав это, Су Лань развернулась и ушла. Она знала, что Тун Ичжэнь не посмеет сопротивляться и не осмелится ослушаться её приказа. Она не хотела больше смотреть на него, но, выходя из комнаты, обернулась и с яростью добавила:

— И немедленно! И больше ничего не ешь. Даже в молельне ты не получишь ни крошки еды!

Цзянь Хань стоял в конце коридора и наблюдал, как Су Лань выходит из комнаты Тун Ичжэня в ярости. Бесстрастный, он тоже развернулся и ушёл.

Буддийская молельня находилась не в той вилле, где располагалась спальня Тун Ичжэня. Он переоделся, вышел из виллы с задней стороны, пересёк сад и подошёл к другой, более маленькой постройке. Дверь была плотно закрыта. Он нажал кнопку звонка и стал ждать снаружи.

Матушка Лю смотрела на миску с кашей, до которой даже не дотронулись. Ей очень хотелось, чтобы молодой господин поел перед уходом, но она знала его характер: он ни за что не согласится. Не знаю, за какие грехи такая участь. Она думала, что попав в семью Цзянь, даже если не будет наслаждаться роскошью, то хотя бы не будет голодать.

Но теперь факты доказали обратное: здесь жизнь хуже, чем в обычных семьях, о тёплой

одежде даже не мечтали. Матушка Лю думала об этом, и слёзы покатались из её глаз.

Тун Ичжэнь постоял у входа в молельню какое-то время, прежде чем изнутри послышались шаги. Женщина за шестьдесят открыла дверь и, увидев Тун Ичжэня, слегка удивилась:

— Ичжэнь? Почему ты здесь? Опять наказан?

Тун Ичжэнь с трудом улыбнулся и кивнул:

— Да, тётушка Синь. Прошу прощения, что доставил вам неприятности.

— Скорее заходи. О чём ты говоришь? Какие неприятности? Это тебе снова придётся страдать. Как ты опять разозлил госпожу?

Тётушка Синь открыла дверь шире и пропустила Тун Ичжэня внутрь.

— Это я сам виноват, я... не пошёл в школу.

Голос Тун Ичжэня был тихим; поскольку это была его собственная ошибка, и ему было неловко.

Наоборот, тётушка Синь, услышав это, нисколько не удивилась и с пониманием сказала:

— Ты всегда был послушным ребёнком. Наверное, не пошёл в школу из-за плохого самочувствия? Я слышала, что ты раньше падал в обморок. Тебе нужно следить за своим здоровьем.

— Спасибо за заботу, тётушка Синь.

— О чём ты говоришь со мной?

— Тогда я пошёл.

Тун Ичжэнь улыбнулся тётушке Синь и направился вверх. Комната предпоследней в конце коридора на втором этаже была его особым местом наказания. Каждый раз он один стоял на коленях в тёмной комнате, слушая звуки чтения молитв из молельни старой госпожи, и не чувствовал одиночества.

Только сейчас живот был очень голоден, и телу было холодно. Впрочем, в прошлой жизни он молился в молельне уже несколько лет назад. Теперь, после перерождения, снова оказаться здесь было не так уж и трудно адаптироваться.

Тун Ичжэнь открыл дверь и честно встал на колени перед статуей бодхисаттвы Гуаньинь. Су Лань не сказала, как долго его наказывать, а это означало, что время будет долгим. Живот урчал, и Тун Ичжэнь немного сожалел, что выпил слишком мало того молока, которое дал Цзянь Хань. Нужно было выпить всё залпом.

Не зная, сколько времени простоял на коленях, ноги начали ныть. Он думал, не сменить ли позу, как вдруг услышал шаги в коридоре.

В эту часть молельни люди редко заходили. Возможно, тётушке Синь нужно было пройти мимо. Шаги остановились у его двери. И действительно, тётушка Синь снаружи тихо окликнула:

— Ичжэнь, ты там?

— Здесь.

Услышав ответ Тун Ичжэня, тётушка Синь открыла дверь:

— Ичжэнь, старая госпожа зовёт тебя. Иди к ней.

Тун Ичжэнь подсознательно сжал кулаки. Старая госпожа Фэн Фан, хоть и не наказывала его, как Су Лань, была холодна как камень. Она всегда излучала мрачный и ужасающий холод, заставляющий людей дрожать и не сметь приблизиться.

Фэн Фан тоже не любила Тун Ичжэня. Её отношение было похоже на отношение Су Лань: она считала, что Тун Ичжэнь погубил Цзянь Хао и был человеком, несущим несчастье.

— Ичжэнь, не стой столбом, иди скорее. Не заставляй старую госпожу ждать.

Тётушка Синь торопила его и, повернувшись, первой ушла.

Тун Ичжэнь медленно поднялся. Ноги онемели и плохо слушались. Он подвигался немного, прежде чем выйти из комнаты. Хотя в сердце он сопротивлялся идее видеть старую госпожу, он всё же набрался храбрости и пошёл в сторону главного зала молельни.

Как бы медленно он ни шёл, он всё равно дошёл. Тун Ичжэнь стоял снаружи у главного зала, слушая доносящиеся изнутри звуки чтения сутр, и чувствовал стеснение в груди.

— Что ты тут стоишь разинув рот? Моя невестка любит мечтать?

Позади раздался голос Цзянь Ханя, и одновременно Тун Ичжэня толкнули в спину. К счастью, он среагировал вовремя и протянул руки к двери, чтобы не удариться лбом о неё.

Дверь открылась, и Тун Ичжэнь, пошатываясь, вошёл внутрь. Густой запах ладана заставил его закашляться. В клубах дыма он на мгновение не мог ясно видеть перед собой.

<http://bllate.org/book/16646/1525136>